

## ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА

(Ок. 4 до н. э. — 65 н. э.)

Древнеримский философ и писатель



Луций Анней Сенека родился в Кордове между 6 и 3 годом до н. э. В то время Кордова, или, как ее звали римляне, Кордуба, была цветущим торговым городом. Завоеванная и укрепленная карфагенянами, она была свидетельницей Пунических войн, и уже с 206 года до н. э. перешла во власть римлян.

Отец Сенеки принадлежал к среднему (дворянскому) сословию римских всадников. Неизвестно, был ли римским всадником дед философа; несомненно, однако, что выше родословная их не поднималась.

Отец Сенеки, Марк Анней Сенека, известный в истории литературы под именем Сенека-ритор, был человек недюжинного ума, высокой образованности и редкой энергии. В половине царствования Августа он покинул свой родной город и переселился в Рим. Его жена, Гельвия, последовала за ним. В то время будущий философ был так мал, что его вынесла на руках из Кордовы его тетка, сестра матери. В Риме Марк Анней Сенека стал преподавать ораторское искусство и вскоре составил себе этим имя, положение и состоя-

ние. Он первым поставил преподавание риторики на должную высоту. В дошедших до нас сочинениях он ядовито смеется над манерой современных ему риторов насыщать свои речи цитатами и риторическими оборотами из классических речей в такой мере, что они теряли настоящий смысл. После Сенеки-ритора осталось сделанное им собрание речей современных ему ораторов – на классические темы или по измышленным юридическим и нравственным вопросам; каждая из этих речей сопровождается замечаниями самого Сенеки.

Мать Луция Аннея, Гельвия, происходила из знатного рода. Имя Гельвиев часто встречается в самых старинных надписях. Из этой же фамилии происходила мать Цицерона.

Гельвия выросла и была воспитана в доме своей мачехи. Однако отец ее позаботился дать ей прекрасное образование, и она много занималась искусствами. Сенека описывает свою мать как женщину редкой для того времени чистоты, и с восторгом отзываясь о ее материнских чувствах.

У Марка Аннея и Гельвии, кроме Сенеки,

было еще два сына. Старший, Новат, впоследствии усыновленный Галлионом и принявший его имя, выдвинулся на административной деятельности и ко времени царствования Нерона занимал ответственную должность проконсула Ахайи. С ним можно встретиться в «Деяниях Апостолов». Он – тот самый проконсул, который отказался судить апостола Павла, сказав обвинявшим его иудеям: «Иудеи! Если бы какая-нибудь была обида или злой умысел, то я имел бы причину выслушать вас. Но когда идет спор об учении, и об именах, и о законе вашем, то разбирайтесь сами: я не хочу быть судьей в этом» («Деяния Апостолов», глава XVIII, 14 и 15). Сенека относился к Галлиону, как к старшему, с глубоким уважением и посвятил ему свои рассуждения «О гневе» и «О блаженной жизни».

Младший брат, Луций Анней Мела, жил в стороне от государственных дел. Он не занимался ни политикой, ни литературой, хотя и был высоко образован и любил чтение. Зато он умножил свое состояние. Его уединенная и тихая жизнь не спасла его, однако, от алчности Нерона, и ему пришлось умереть добровольной смертью, завещав часть состояния Нерону и его любимцам, чтобы спасти остальную.

Оба брата Сенеки – и Новат, и Мела – были прекрасные семьянины и преданные сыновья. У Сенеки не было детей, кроме умершего незадолго до его изгнания сына; но у его братьев были дети. Он упоминает о Новатилле, дочери Галлиона. В то время, к которому относится приведенная характеристика братьев Сенеки, она была девочкой лет тринадцати и пользовалась большим расположением дяди. Незадолго перед тем она потеряла свою мать, и Сенека, обращаясь к Гельвии, просит ее заняться воспитанием внучки: «Пусть воспитается она на твоих речах. Ты многое можешь ей дать, если даже послужишь ей одним примером».

У Луция Аннея Мелы был сын, Марк Анней Лукан, – известный поэт, автор поэмы «Фарсалия», запятнавший впоследствии память о себе доносом на свою мать, который он сделал, будучи обвинен в заговоре против Нерона и напрасно надеясь спасти этим жизнь. Это был хорошенький веселый мальчик, «при виде которого не могла длиться никакая печаль». В молодости он подавал большие надежды, обладая крупным поэтическим дарованием, но погиб безвременной смертью.

Кроме этих двух племянников, у Сенеки, вероятно, были еще и другие родственники по нисходящей линии. Одному из них должны принадлежать, по крайней мере, некоторые из приписываемых философу Сенеке трагедий.

Из этой краткой характеристики родных Сенеки видно, что он принадлежал к высокоодаренной семье. Почти все члены ее выделялись какими-либо талантами. Даже женщины были замечательны в интеллектуальном отношении. Но высшего своего развития духовные силы рода достигли, конечно, в самом Луции Аннее Сенеке.

До нашего времени дошло мало сведений о детстве и юношестве Сенеки. У историков его имя встречается, начиная с того времени, когда он был уже известным философом. Ранние сочинения Сенеки до нас не дошли. Однако, зная общий характер римского воспитания и пользуясь теми намеками на эпизоды юности, которые встречаются в старческих сочинениях философа, наконец, на основании его характера, можно сделать некоторые догадки и хотя бы в общих чертах представить себе жизнь Сенеки в ранние годы.

Детство Сенеки протекло дома, и первоначальному своему воспитанию он обязан женщинам – матери и тетке. Об этом свидетельствует и глубокое уважение его к этим женщинам, и общая мягкость и утонченность его характера, и редкая в философе стоической школы любовь к женщинам. В сочинениях Се-

неки женщина нигде не рассматривается как помеха отвлеченным интересам, как соблазн, который надо устранить; напротив, часто он упоминает, – в особенности по поводу своей второй жены Паулины, – как он много обязан женщинам за чистоту своих нравов и мыслей. Кроме того, Сенека был слабым, болезненным ребенком, а такие дети всегда пользовались попечением женщин. В своем «Утешении к Гельвии» Сенека упоминает о тяжелой болезни, во время которой за ним ухаживала его тетка.

Семья Сенеки была дружной. Можно предполагать, что в детстве все три брата жили вместе с родителями и теткой. Нежная дружба, связывающая братьев, продолжалась всю их жизнь.

Подобно большинству зажиточных римлян, семейство Аннеев на лето уезжало из Рима. У самого Сенеки впоследствии было несколько вилл; неизвестно, сколько их было у его отца. Надо, однако, думать, что всего чаще Аннеи проводили лето в загородной вилле в нескольких часах езды от Рима.

Сенека, несмотря на слабое телосложение, занимался гимнастическими упражнениями. Они состояли в садовых работах, в беге, метании диска, а главное – купанье в холодной воде. Излюбленным местом для этого был у римлян Еврин – канал, огибавший Рим, с особенно холодной водой. В детстве и юности Сенека купался в нем круглый год; даже зимой, в первый день Нового года, бросался в купальнях, называвшихся «Девственными водами», в холодную, почти ледяную воду, и плавал там. Состарившись, Сенека выбирал более теплые воды для купанья: сперва Тибр, а затем и искусственные ванны с теплой водой. Сенека, как уже упоминалось, был слаб здоровьем. По его собственным словам, он испытал почти все болезни.

Отвлеченные и научные занятия поглощали большую часть жизни мальчика. Свое пер-

воначальное образование он получил под руководством отца, известного ритора. Вероятно, Сенека посещал также какую-нибудь школу. К двадцати годам своей жизни, когда он, оставив школьное образование, обратился к слушанию лекций по философии у лучших тогдашних философов, Сенека имел солидные знания в греческом языке, грамматике, поэтике, музыке, истории и математике. Это было около 19 года н. э.

Наставниками Сенеки в философии были стоик Аттал, пифагореец Сотион, эклектик Фабиян Папирий и киник Деметрий. О всех своих наставниках Сенека отзывается с большим восторгом, лекции каждого производили на него сильное впечатление. Но особенно тесная связь возникла между Сенекой и Атталом.

В школу Аттала Сенека приходил первым и уходил из нее последним. Мало того, даже в перерыве между занятиями, во время прогулок, Сенека постоянно обращался к своему наставнику с расспросами и вызывал его на рассуждения. Когда Сенека слушал лекции Аттала, на которых стоик обличал пороки, невежество и недостатки, юный ученик испытывал сожаление о роде людском, и ему казалось, что его учитель – существо высшее, чем другие люди. Сам Аттал называл себя царем, но он казался чем-то высшим – царем над царями. «Когда, – пишет Сенека, – он проповедовал бедность и доказывал, в какой мере лишняя и ненужная тягость все, что превышает первые потребности, мне хотелось уйти из школы нищим. Когда он обличал наши страсти и проповедовал целомудрие, трезвость, чистоту воображения и советовал не предаваться не только нехорошим наслаждениям, но даже излишним, хотелось совсем отказать себе в пище и питье». «Кое-что из его наставлений, – сообщает Сенека своему другу Луцилию в старости, – осталось у меня на всю жизнь. Сначала же я следовал им очень

горячо, но затем, отдавшись общественной деятельности, растерял многие из этих правил. Но все же на всю жизнь я отказался от устриц и грибов, ибо эта пища служит не для насыщения, но лишь для возбуждения аппетита, и только помогает съесть больше, чем желудок мог бы вместить. Точно так же, благодаря советам Аттала, я на всю жизнь отказался от духов, тем более что всего лучше для тела, когда оно совсем не пахнет. Бросил я также пить вино и стал избегать бань, находя излишней изнеженностью расслаблять свое тело искусственными парами. Другие же привычки возвратились, хотя я в них наблюдаю строгую умеренность, тем более что она не легче, чем полное воздержание».

Значительное влияние на жизнь и нравы Сенеки оказывал пифагорец Сотийон. Изложив доктрину вегетарианства, согласно учению Пифагора и пифагорейца Секстия, Сотийон склонил и Сенеку к воздержанию от мясной пищи. Около года Сенека питался исключительно растительной пищей. Он уже стал привыкать к ней, и ему казалось даже, что дух его стал подвижнее, а ум острее. Но в это время Тиберий начал гонения на тайные секты евреев и египтян, казавшиеся подозрительными тогдашнему правительству: внешним признаком этих сект было неупотребление в пищу мяса некоторых животных. Отец Сенеки, вообще не сочувствовавший философским увлечениям своего сына, воспользовался этим случаем и уговорил его отказаться от вегетарианства.

Из остальных учителей Сенеки замечательен своим гордым, неуживчивым характером киник Деметрий. Он был ходячей оппозицией всему тогдашнему строю жизни. Он презирал богатство, смеялся над властями, был неоднократно преследуем за вольный язык и между тем держался самых возвышенных правил. «Я любил его, Деметрия, – говорит Сенека в одном из своих писем, – и, бросив жирных

улиток в пурпуре, говорил с этим полуобнаженным чудаком и восхищался, видя, что он не чувствует никаких лишений. Все презирать легче, чем иметь все. Кратчайший путь к богатству – презрение этого богатства, Деметрий же так живет, как будто он не то что презирает все вещи, но предоставил другим ими пользоваться».

Сенека сохранил дружеские отношения с Деметрием до глубокой старости, почти до своей смерти.

Увлечение молодого Сенеки философией не нравилось его отцу. Общественные условия той эпохи не благоприятствовали философии. «Добродетель, мудрость и справедливость, – говорили тогдашние представители высших классов, – только пустой звук. Все человеческое счастье заключается в хорошей жизни: есть, пить, расточать полученное наследство – вот это жизнь, вот это значит поминуть, что мы смертны. Проходят дни, и минует быстротечная жизнь. Зачем же думать? Что за радость быть мудрецом в нашей жизни, в которой не всегда будут доступны наслаждения, даже в то время, когда можно им предаваться, когда сама природа их требует; предписывать себе умеренность – предвосхищать смерть и отказывать заранее себе в том, что она отнимет у нас. Нет у тебя любовницы; ежедневно ты проводишь время трезвым; обедаешь так, как будто тебе придется показывать свою расходную книжку строгому отцу. Это не называется жить, но только смотреть, как живут другие».

Таково было настроение римского общества при первых императорах. Неудивительно, что философов-стоиков ненавидели за то, что их пример был живым укором обществу. Впоследствии стоиков нередко даже изгоняли из Рима императорскими декретами как людей вредных. Уже Сенеке в последних сочинениях приходилось тщетно доказывать, что философия не мешает политической благонадеж-

ности. Будучи, таким образом, небезопасными, занятия философией сверх того считались мало почетными. Неудивительно поэтому, что усилия отца Сенеки и других его родных были направлены к тому, чтобы отвлечь Сенеку от излюбленной им науки. Уступая настояниям окружающих, молодой философ обратился к адвокатской деятельности.

Около этого времени Сенека женился. Кем была его первая жена – осталось невыясненным. Даже в сочинениях Сенеки почти нет указаний на нее. В одном только месте своего трактата «О гневе», написанного в самом начале царствования Клавдия, философ упоминает, что он по вечерам имел привычку озирать умственным оком весь прошедший день и взвешивать свои поступки и что он делал это в присутствии своей жены, которая, зная его привычку, замолкала на это время. Жена его жила недолго и еще до ссылки философа на Корсику в 41 году н. э. умерла, оставив после себя сына.

Адвокатскую деятельность Сенека, подобно большинству тогдашних юристов, соединил с административной и благодаря протекции своей тетки получил в начале царствования Калигулы место квестора.

Адвокатская деятельность и значительное наследство, полученное от отца, умершего в начале царствования Калигулы, быстро выдвинули Сенеку на общественном поприще, и к концу царствования Калигулы он уже появился при дворе. Сам император приходил слушать его речи. Однако его внимание причинило Сенеке только неприятности. Калигула отличался болезненной завистью к талантам, доходившей порою до таких курьезов, что Калигула приказывал уничтожать в библиотеках сочинения и статуи Гомера, Вергилия и Тита Ливия. Калигула воображал себя первоклассным оратором, и успех Сенеки был для него просто личным оскорблением. Император сначала издевался над его реча-

ми, называя их ученическими упражнениями и «бесплодной пустынею», но, когда увидел, что его насмешки нисколько не уменьшают числа поклонников молодого оратора, приказал его убить. Приказание это, впрочем, не было приведено в исполнение вследствие заступничества одной из вольноотпущенниц императора, уговорившей его не убивать философа, так как последний в это время был болен и, по словам вольноотпущенницы, в скором времени должен был умереть своего смертью.

Вскоре после этого погиб сам Калигула, став жертвой заговора. Однако философ, уже и раньше тяготившийся обязанностями адвоката, после пережитой опасности и совсем их оставил, чтобы предаться давно увлекавшим его занятиям философией. Приблизительно к этому времени относится первый из дошедших до нас философских трактатов Сенеки «О гневе», посвященный брату Новату.

Сочинение это имеет целью опровергнуть мнение Аристотеля, находившего, что в известных случаях гнев бывает не только полезен, но даже необходим. Сенека подробно разбирает природу и свойства гнева, проводит границу между гневом и негодованием и между гневом и вспыльчивостью, затем доказывает, что гнев есть особое состояние души, вполне способное подчиняться разуму, и, наконец, сообщает различные меры, которые человек может употреблять, как чтобы утишить свой собственный гнев, так и чтобы успокоить другого человека. Уча подавлять гнев, Сенека учит всепрощению и любви к ближнему. «Этот человек меня оскорбил, а я ему ничего не сделал. Но, быть может, я оскорбил кого-либо другого или оскорблю после. Пусть ты не сделал зла, – ты можешь его сделать. И потому не лучше ли забывать обиды, чем мстить за них? О, сколько прекрасного времени трастишь ты на зло! Сколько мог бы ты принести добра и своим родным, и близким, и родине, если бы занялся ими, вместо того, чтобы изыс-

кивать средства, как бы причинить зло твоим врагам».

Наряду с всепрощением Сенека проповедует и самую широкую свободу. Он смеется над республиканцами, оплакивающими свободные установления прежних времен, и в то же время изгнавшими свободу из собственного дома. Сенека открыто порицает этих домашних тиранов, кричащих в исступлении на семью и на рабов.

Все это определило место Сенеки при дворе развратного Клавдия, всецело подчинившегося тогда влиянию знаменитой Мессалины. Он попал в ряды оппозиции, во главе которой стояла честолюбивая Юлия, добивавшаяся влияния на императора. Не может быть сомнения в том, что Сенека подавал ей мудрые дипломатические советы. Это обстоятельство, а также и вообще его слишком либеральный образ мыслей и острый язык (в своем сочинении «О гневе» Сенека, описывая безобразия гневного человека, списал его портрет с императора Клавдия) заставляли Мессалину искать случая избавиться от опасного философа, тем более что его строгий образ жизни во время его вдовства был ей живым и постоянным укором. При помощи одного из наемных доносчиков Мессалина обвинила Сенеку в преступной связи с самой Юлией, и, таким образом, сразу добилась изгнания обоих опасных для нее людей.

После того как Сенеке открывалась блестящая административная карьера, очутиться изгнанником, лишенным родных, друзей, с закрытой, как тогда казалось, навсегда дорогой к будущности, было очень тяжело. Надо прибавить к этому, что в Риме Сенека привык к комфорту, граничащему с роскошью; на Корсике с ее нездоровым климатом пришлось подвергаться лишениям. В Риме Сенека вращался в обществе людей высокообразованных и утонченных; на Корсике ему приходилось иметь дело с полудикарями. К тому же судь-

ба не пощадила и сердечных чувств философа. Незадолго перед тем потерявший жену, Сенека всего за несколько недель до ссылки лишился и единственного сына, умершего на руках своей бабушки. Естественно, что даже философская стойкость Сенеки поколебалась.

Сенека решился на лезть и написал письмо к вольноотпущеннику императора Клавдия Полибию с выражениями покорности и преклонения перед императором, которого он так ядовито осмеивал и раньше, и впоследствии. Когда Сенека был возвращен из ссылки, он раскаивался, что написал это письмо, разыскивал и уничтожал его списки. Однако, хотя с утерянным началом, письмо это сохранилось вплоть до XIX века и дало повод Диону Кассию, а за ним и немецким историкам, к самым низким выходкам против философа.

Послание к Полибию осталось без последствий, потому ли, что вольноотпущенник не хотел оказать покровительства сосланному философу, или потому, что он сам не имел достаточного влияния при дворе.

Зато философ скоро примирился со своей участью. Он умел забывать собственное горе, сочувствуя чужому. Едва привыкнув к жизни на острове Корсика, он поспешил написать своей матери в утешение, что его участь не так уж тяжела, как ему казалась прежде. Это его послание к Гельвии представляет одно из лучших его произведений как по возвышенности образа мыслей, так и по стилю. Сенека забыл о своих личных лишениях и старается утешить свою мать в том горе, в котором она только страдает. Сенека вспоминает слова прежних писателей, что тягость ссылки смягчается тем, что окружающая природа всегда более или менее одинакова и что всюду можно нести за собой свое нравственное я.

Сенека легко примирился и с отсутствием комфорта. «Я лишился не богатства, – пишет он, – но хлопот, сопряженных с ним. Потребности мои не велики: иметь кров от холода

и пищу от голода и жажды. Все, что кроме этого, – требует порок, а не нужда».

В таких условиях Сенека прожил около восьми лет. Недостаток материальных удобств восполнялся умственным трудом. С первого же года жизни на Корсике Сенека принялся за деятельное изучение местной природы, нравов и языка народонаселения. Он различил в местном говоре следы многих национальностей, сменявших одна другую на острове, а затем принялся за чтение писателей и наблюдения и по другим отраслям естествознания.

Из дошедших до нас сочинений Сенеки, кроме посланий к Полибию и к Гельвии, не дошло ни одного, относительно которого можно бы было с уверенностью сказать, что оно закончено во время ссылки философа. Но, судя по тому, что до нас дошли далеко не все произведения Сенеки, а также по тому, что за время его отсутствия в Риме его популярность как философа не только не уменьшилась, но значительно возросла, надо думать, что он широко воспользовался своим вынужденным досугом для писания сочинений по различным отраслям современной ему философии.

Между тем за время семилетней ссылки Сенеки положение дел в Риме существенно изменилось. Мессалина, дошедшая в своем разврате до крайних пределов бесстыдства, пала жертвой собственного легкомыслия, и император женился во второй раз на Агриппине. Искусной придворной политикой Агриппина расчистила себе путь к власти, удаляя и ссылая одних из представителей враждебной ей партии и привлекая на свою сторону милостями, которые доходили иногда до совсем непопозволенных размеров, других. Но, достигнув престола сама, Агриппина хотела обеспечить его и за своим сыном Нероном, и с этой целью стала создавать себе партию.

В числе привлеченных ею ко двору деятелей был и Сенека, которого она вернула из

ссылки, поручила ему воспитание своего сына и возвела в должность претора. Тацит замечает по поводу возвращения Сенеки, что Агриппина вернула этого популярного философа затем, чтобы прославиться не одними только злодействами. Эти слова историка свидетельствуют, конечно, о том уважении и той популярности, какими пользовалось имя Сенеки. Действительные же побуждения Агриппины были иного свойства. Она вступала в брак с Клавдием не ради единения интересов с мужем, но ради удобства борьбы с ним. Агриппина хотела царствовать сама, она хотела, кроме того, лишиться престола законного наследника – сына Клавдия, Британника, и возвести на престол своего сына от первого брака – Нерона. Сенека же зарекомендовал себя еще раньше оппозицией императору, и на Сенеку Агриппина могла рассчитывать как на союзника в борьбе с мужем. Ум и такт философа были известны при дворе: немалое значение имела в глазах Агриппины и популярность Сенеки. Она знала, что, возвращая из ссылки невинно пострадавшего мудреца, она выиграет в глазах народа. Наконец, и для Нерона воспитание под руководством мудрейшего из современников давало ему преимущество перед Британником, получившим образование среди рабов.

Задача у Сенеки была нелегкой. Первоначально воспитание Нерона было запущено, а его природные наклонности были самого низкого склада. Рассказывают, будто отец его, узнав о рождении сына, сказал, что от его брака может родиться только чудовище. Первые годы жизни Нерона протекли вне родительского дома. Отец его умер вскоре после рождения сына, а мать находилась в изгнании за участие в заговоре Лепида против Калигулы. Нерон воспитывался в доме своей тетки Домиции Лепиды, под руководством цирюльника и танцора. Позже, по возвращении матери, он был окружен лучшими воспитателями

и при своих природных способностях усвоил себе кое-какие знания, однако в образовании его не было никакой системы, и знания Нерона были отрывочны.

К тому времени, когда Сенека начал свои занятия с Нероном, гоноша оказывал уже значительные успехи в рисовании, пении, ваянии, писании стихов, музыке и в гимнастических упражнениях. Но научные интересы были слабы, и вообще Нерон уже тогда оказывал склонность к дилетантству.

Сенека заботился о том, чтобы дать Нерону вполне законченное образование в том объеме, какой был принят в современных ему школах. Это значило, дав некоторые сведения в искусствах, математике, греческом языке, географии и истории, перейти к изучению риторики и философии.

Воспитание Нерона, однако, осталось незавершенным, так как Агриппина восстала против желания Сенеки преподавать принцу философию в полном объеме. Нерон познакомился с этим последним словом тогдашней науки весьма поверхностно.

Что касается нравственного воздействия на Нерона, то при тогдашнем составе двора и нравственных качествах самой Агриппины трудно было в этом отношении достигнуть каких-либо результатов. Тем не менее Сенека не упускал случая внушить своему воспитаннику добродетель и старался сделать это в возможно более привлекательной форме. Так, можно думать, что, если трагедии Сенеки действительно принадлежат философу, они созданы, по крайней мере отчасти, для его ученика. Написанные совершенно не для сцены, они содержат в себе множество нравственных сентенций, близких с теми, которые приводил философ в своих прозаических сочинениях. Сюжеты же из греческой героической жизни призваны были привлекать к себе интерес юного Нерона.

Несомненно, что Сенека скоро разгадал

природу Нерона. Он рано говорил, что это хищный лев, которому стоит только дать попробовать крови, чтобы он обнаружил всю ярость своего характера, и потому Сенека по возможности держал своего ученика в узде, стараясь отвлечь его от вредных и жестоких наслаждений, обращая его на более невинные и позволительные. При этом Сенека держал себя со свойственным ему либерализмом и отнюдь не требовал от Нерона сурового аскетизма и полного отречения от мирских наслаждений.

Придворная жизнь и административная деятельность Сенеки столкнула его со множеством весьма разнообразных людей. С некоторыми он сошелся ближе, и они стали его друзьями. У всех этих друзей Сенеки, при всем разнообразии их характеров и общественных положений, была одна общая черта – живой интерес к литературе и философии. Все они были или сами писателями, или ревностными поклонниками литературы. В число таких образованных друзей Сенеки входили и женщины. Такова была, например, Марция, дочь Кремуция Корда, известная по трогательному посланию, которое философ написал ей в утешение по поводу смерти ее сына. Послание Сенеки к Марции полно возвышенных мыслей и прекрасных утешительных выражений. Смерть представляется философу неизбежным следствием жизни и даже утешением в ее горестях. «Видя столько матерей, огорченных поведением или судьбою своих детей при их жизни, как можешь ты сокрушаться, зная, что твой сын избежал превратностей своего века», – замечает философ.

Недовольство и неудовлетворенность своей придворной и общественной деятельностью постоянно слышится у Сенеки. В другом своем послании – к Павлину, озаглавленном «О краткости жизни» и написанном в первый же год после возвращения из ссылки, философ называет жизнью только то время, кото-



рое люди посвящают занятиям философией и самосовершенствованию. Все же административные, общественные и иные обязанности он считает бесплодной тратой времени. Жизнь наша не коротка сама по себе, но мы тратим ее попусту – вот общая мысль трактата Сенеки. Все часы, проведенные на пирах, в домашних дразгах, в ссорах, на службе, теряются; напротив, кто занимается мудростью, тот не только не теряет настоящего, но приобретает и прошедшее; к своим годам он прибавляет целые столетия.

Павлин, которому посвящен трактат «О краткости жизни», ведал продовольственными магазинами в Риме. Он считался одним из ревностнейших и честнейших чиновников. По словам Сенеки, он заботился об общественном благе, как о своем, но при употреблении его помнил, что оно чужое. В доме Павлина Сенека познакомился и со второй своей женой, Помпеей Паулиной, которая приходилась первому, по одним источникам, дочерью, по другим – сестрой. Сенеке в то время было за пятьдесят лет. Однако его ученость, опытность, утонченность манер и вкусов делали его очень приятным в обществе. Он охотно проводил время среди дам. Неудивительно поэтому, что молодая умная Паулина могла искренне привязаться к философу, бывшему вдвое старше ее, и выйти за него замуж. Со своей стороны, Сенека очень годился своей женой. Она нравилась ему и своей красотой, и тем, что происходила из хорошего дома; но главным образом он ценил в ней интеллигентность, доброту и приветливость.

Из друзей Сенеки можно упомянуть об Аннее Серене, занимавшем должность префекта городской стражи. Анней Серен был веселым человеком, участвовал во многих пиршествах и забавах Нерона в лучшие его времена, пока эти пиры еще не принимали характера дебошей, но веселость не мешала Серену быть почитателем философии. Сенека посвя-

тил ему некоторые из своих сочинений. Вообще Сенека из тогдашней римской молодежи был наиболее привязан к Аннее Серене, и когда тот безвременно умер, отравившись вместе со всеми собеседниками за обедом ядовитыми грибами, философ неутешно оплакивал своего друга.

Вероятно, в это же время познакомился Сенека и с Луцилием, римским всадником, который благодаря личным заслугам вскоре был назначен прокуратором Сицилии. Луцилий тоже отличался любовью к литературе и философии, о которой свидетельствует как переписка его с Сенекой, в которой много писем посвящено разным вопросам нравственной философии, так и его дидактическое стихотворение «Этна». Сенека очень любил Луцилия. Письма его к другу написаны необыкновенно задушевным, ласковым тоном.

Наконец, в числе неизменных друзей Сенеки в последние годы царствования Клавдия следует считать саму императрицу Агриппину. Сенека был ее ближайшим советником и другом, и они постоянно совещались о воспитании Нерона.

Жизнь Сенеки в последние годы царствования Клавдия и первые годы правления Нерона проходила хотя и на виду у всех, однако уединенно. Он избегал толпы, почти не посещал театр и гладиаторские бои, вошедшие тогда в моду, весьма тяготился официальными приемами и каждой свободной минутой пользовался для того, чтобы обратиться к своим научным занятиям. Жизнь философа была полна интеллектуальных интересов, и фигура его резко выделяется на общем фоне развратников и кутил, составлявших значительную часть тогдашних высших классов. Несомненно, что вкусы Сенеки лежали вне двора и общественной жизни, и его удерживало на посту только сознание своей важности, своей незаменимости и желание общественного блага.

13 октября 54 года умер Клавдий, и на престол вступил не достигший еще семнадцатилетнего возраста Нерон. Эта перемена имела громадное значение в жизни Сенеки. Из профессора риторики он превратился в полномочного министра, так как сам император по молодости своей, не мог самостоятельно заниматься делами управления, и первыми шагами Нерона пришлось руководить Сенеке.

Первыми действиями молодого императора было воздаяние установленных почестей покойному Клавдию. Клавдий был причислен к сонму богов; Агриппина была назначена жрицей нового божества, а Нерон произнес торжественную погребальную речь, написанную Сенекой. Речь эта, несмотря на обычный стиль и такт Сенеки, по справедливости считавшегося лучшим оратором того времени, произвела на слушателей не совсем благоприятное впечатление. Пока Нерон говорил о благородстве происхождения Клавдия, о доблестях его предков, его личных наклонностях к научным занятиям, о мире и благоденствии, которыми пользовались провинции в его царствование, внимание слушателей поддерживалось, но когда Нерон перешел к восхвалению справедливости и государственной мудрости Клавдия, никто не мог удержаться от смеха.

Гораздо большим успехом увенчалась, так сказать, подпольная сатира Сенеки против Клавдия, пародировавшая апофеоз этого ничтожного императора. В ней Сенека излил свои истинные чувства – всю свою злобу против Клавдия, которая за последние дни обострилась еще и обязанностью принимать участие в обожествлении императора, несмотря на то что Сенеке был глубоко противен даже сам обычай апофеоза смертных, но сильных мира сего.

Сенека имел и личные причины ненавидеть Клавдия – за свою ссылку, за те унижения, которые приходилось переносить при его дворе; но, помимо личных отношений, он

считал Клавдия за ничтожного и жалкого развратника. Сатира написана в смешанной форме – в стихах, прерывающихся прозой, и, по мнению критиков, представляет из себя лучший образец легкого политического памфлета. Содержание сатиры состоит в том, что Клавдий после смерти попадает в царство мертвых, где заявляет претензию на божеский сан; в претензии этой, однако ему отказывают, по предложению Августа, передают Клавдия в руки одного из судей в Аиде, Эака. Эак, по свойственному ему беспристрастию, осуждает Клавдия, не выслушав его оправданий, как это при жизни делал и сам император. Клавдия приговаривают вечно исполнять одну и ту же бесполезную работу, а именно – так как он был любителем игры в кости, вечно бросать кости из дырявой чашки. Наказание это, однако, не было приведено в исполнение, так как, едва Клавдий принялся за это занятие, явился Калигула и потребовал его себе как своего беглого раба. Претензия Калигулы была уважена, но он подарил Клавдия, за негодностью, письмоводителю суда в Аиде, Менандру – в помощники при судопроизводстве. На этом сатира обрывается. Весь интерес ее сосредоточивается в частных намеках на лица и события в Риме, теперь без комментария не понятных.

Похоронив Клавдия, Нерон, или, точнее, Сенека, обратился к общественным делам. Прежде всего, Нероном была произнесена в сенате речь, в которой излагалась программа нового царствования. Нерон обещал устранить те законы, которые возбуждали особое недовольство в народе. Он обещал не быть единоличным судьей в процессах, не судить обвинителя с обвиненным в тиши своего дворца, предоставляя решающее слово немногим приближенным. Двор Нерона будет недоступен продажности и интригам, и его личные дела будут отделены от общественных. Сенат вступит в свои прежние права, провинции бу-

дут входить в сенат через своих проконсулов; сам же Нерон будет стоять во главе войска.

Хотя все поступки совершались под именем Нерона, ни для кого не могло быть секретом, что за ними кроется Сенека. Предчувствуя в Нероне кровожадность, Сенека обращал особое внимание на развитие в императоре склонности к милосердию. Он успел в этом настолько, что, подписывая первый смертный приговор в свое царствование, Нерон воскликнул: «О, если бы я не умел писать!» В восклицании этом есть, однако, доля лицемерия. Тем не менее Сенека подхватил его и в начале второго года царствования Нерона посвятил ему трактат «О милосердии», в котором необыкновенно превозносил кроткий нрав Нерона и красноречиво доказывал ему хорошие стороны милосердия, приводя в пример Августа, достигшего расцвета славы и безопасности именно в конце своей жизни, когда стал снисходительнее обращаться со своими врагами, чем многих привлек на свою сторону.

Если Сенеке и не удалось сделать Нерона милосердным навсегда, хорошо уже и то, что он был милосерден хоть когда-либо. Во всяком случае, благодаря Сенеке первые годы правления Нерона были так хороши, что впоследствии император Траян говаривал, что редкий правитель превзошел доблестями Нерона в первые пять лет его царствования.

К несчастью, Сенеке с самых первых шагов приходилось бороться с Агриппиной, которая во всех мерах республиканского характера видела умаление своих почестей. Ей хотелось самой царствовать именем Нерона, но допустить ее до этого, при ее мелком властолюбии, было бы весьма рискованно. Оттого одной из первых задач придворной деятельности Сенеки было устранение Агриппины. Это было нелегко, так как она пользовалась большим влиянием на сына.

Первое столкновение Сенеки с Агриппи-

ной произошло при приеме армянских послов, просивших аудиенции у Нерона. Агриппина хотела сама принять их, но Нерон, по знаку Сенеки, пошел к ней навстречу. Таким образом под видом любезности к матери он не допустил ее к почестям императрицы.

Следующее столкновение Сенеки с Агриппиной произошло по поводу Актеи. Как известно, Нерон был женат на дочери Клавдия – Октавии; но брак этот был ему не по сердцу, и при страстности темперамента Нерона можно было ожидать больших неудобств, в случае если бы его любовь обратилась к какой-нибудь честолюбивой придворной даме. Поэтому Сенека и Бурр вздохнули с облегчением, когда выбор Нерона пал на скромную и бесцветную вольноотпущенницу, неспособную играть никакой политической роли и сверх того благоговевшую перед умом и добродетелью Сенеки. Напротив, Агриппина пришла в ярость, узнав о сердечной склонности сына.

В гневе она стала грозить, что возбудит народное восстание против императора в пользу Британника, законного наследника Клавдия. Когда эта угроза дошла до Нерона, он приказал отравить Британника, а Агриппина впала в немилость.

Удаление Агриппины от двора было апогеем силы и значения Сенеки, после чего его влияние на императора начинает быстро уменьшаться и падать. К этому времени Сенека достиг высших гражданских почестей: в 57 году н. э. он был консулом. Богатства его также значительно возросли благодаря щедрым подаркам Нерона. Состояние его в это время оценивалось крупной суммой в триста миллионов сестерциев. Одних драгоценных треножников у него было несколько сот. Это огромное состояние требовало для управления значительной траты времени, тем более что Сенека не оставлял своего имущества мертвым капиталом. Деньги его пускались в разные обо-

роты в провинциях, преимущественно в Британии; в обширных же своих поместьях Сенека развел виноградники. Он управлял своими имениями отчасти через доверенных лиц, отчасти же непосредственно, так как сам был прекрасным знатоком виноградарского искусства.

Громадное богатство Сенеки и неослабевающая к нему милость Нерона, естественно, вызывали к философу зависть. Один из завистников выступил против него с публичными обвинениями. Это был некто Сциллий. По словам Сциллия, Сенека преследовал всех друзей Клавдия, чтобы, тем самым отомстить за свое изгнание.

Обвинение Сциллия весьма возмутило и сенат, и самого Нерона. Против клеветника выставили обвинение в доносах на многих знатных римлян, результатом которых была смерть обвиненных. Сциллий ссылался на то, что все эти доносы были совершены им по приказанию Клавдия; но Нерон заставил его молчать, сказав, что у него есть доказательства того, что Клавдий никого не преследовал сам. Сциллий был приговорен к лишению части своего имущества и ссылке на Балеарские острова.

Процесс Сциллия произвел, однако, неблагоприятное впечатление на друзей и родных Сенеки. Отовсюду посыпались к нему запросы о степени справедливости обвинений Сциллия. Сенеке пришлось оправдываться. В трактате «О благодеяниях», который писался как раз в год процесса Сциллия, во многих местах можно видеть оправдания философа. Но всего полнее он изложил свою апологию в письме к старшему брату Галлиону, озаглавленном «О счастливой жизни».

«Мне говорят, – пишет он, между прочим, – что моя жизнь не согласована с моим учением. В этом в свое время упрекали и Платона, и Эпикура, и Зенона. Все философы говорят не о том, как они сами живут, но как надо

жить. Я говорю о добродетели, а не о себе».

В послании к Серену Сенека рассматривает, в какой степени может быть оскорбительна для него клевета Сциллия. Философ доказывает своему другу, что мудреца нельзя ни обидеть, ни оскорбить. «Если кто захочет обидеть мудреца и сделает к тому попытку, то все же обида не коснется мудрого. Обида имеет целью причинить зло; но в мудрости нет места злу, ибо для нее зло только в пороке, а порок не может быть там, где обитает добродетель». Еще менее доступен мудрец для оскорбления. «Насмешки и дерзости, которые говорят дети своему наставнику, никто не считает за оскорбления, но за шалости. Мудрец же относится ко всем людям, как мы относимся к детям». Самым крупным произведением Сенеки в этот период, несомненно, должен считаться его большой трактат «О благодеяниях». В трактате этом рассматриваются различные вопросы о том, как следует принимать и как оказывать благодеяния, начиная с самых мелких подарков. В главе о подарках можно видеть светского человека, – так остроумно и с таким тактом говорит Сенека о выборе различных подарков сообразно отношениям и состоянию обменивающихся ими. Из этой главы лица, желающие делать подарки своим друзьям, еще и сегодня могут почерпнуть общие указания.

Замечательны мысли Сенеки о благодарности как о чувстве, которого нельзя требовать насильно. Сенека учит, что не следует оказывать благодеяния, рассчитывая на благодарность, но что следует их оказывать вполне бескорыстно. Точно так же не следует придавать особого значения нравственным качествам лиц, которым благодетельствуешь: «Дурные люди всегда будут, и отказываться ради них от добродетели не следует». Все эти мысли, ставшие теперь ходячими фразами, в то время отличались совершенной новизною, и распространение их в обществе естествен-

но подготавливало древний Рим к принятию учения Христа.

Вскоре после процесса Сциллия началось роковое для Нерона знакомство с Поппеей Сабиной. С этого же дня началось и постепенное падение Сенеки. Старый философ не мог конкурировать во влиянии на императора с молодой и красивой куртизанкой. Но резким переломом, ускорившим окончательное падение философа, является смерть Агриппины, в убийстве которой Нероном играл видную роль и сам Сенека.

Когда план Аницета умертвить Агриппину на распадающемся среди моря корабле не удался, и Агриппина, спасшись от крушения, послала сообщить о своем спасении Нерону в Байи, тот страшно испугался. Нерон ждал, что Агриппина поднимет сенат и войска, объявив всюду о покушении сына на ее жизнь, и кричал, что он погиб, если Сенека и Бурр не придумают чего-либо для его спасения. Тотчас послали за ними и объявили им положение дел. Оба были так поражены случившимся, что долго хранили молчание, не решаясь взглянуть друг на друга. Для всех было ясно, что один из двоих, Нерон или Агриппина, должен погибнуть, но никому не хотелось быть советником в матереубийстве. Наконец Сенека решился поднять глаза на Бурра и спросил его, не распорядится ли он убийством Агриппины через преторианцев? Но Бурр отвечал, что преторианцы слишком привязаны к ее дому, чтут память Германика и не решатся тронуть его дочь; но что Аничет должен выполнить свое обещание. Последний, не колеблясь ни минуты, принял все на себя, и спустя несколько часов Агриппина была убита.

Но роль Сенеки не могла ограничиться этим. Следовало оправдать императора в глазах народа. Нерон удалился в Неаполь и послал оттуда в сенат письмо, написанное Сенекой, в котором обвинял Агриппину в покушении убить его и объяснял, что, когда поку-

шение это не удалось, она сама лишила себя жизни. Далее следовала недостойная клевета на Агриппину. Говорилось, что она хотела захватить власть в свои руки и повелевать войсками. Не достигнув этого, она вооружала императора против самых знатных из граждан. Намекалось также, что и злодеяния, совершенные в царствование Клавдия, были совершены не без ее участия. Словом, в письме этом Сенека старался убедить, что смерть Агриппины была благополучием для государства. Однако, как ни ненавидели Агриппину, письмо это возмутило большинство римлян. Их ропот был направлен именно против Сенеки, так как, замечает Тацит, к преступлениям самого Нерона уже привыкли.

Обстоятельства же дела были таковы, что приходилось выбирать между Агриппиной и Нероном, и это отлично понимал Сенека. Предпочсть Нерона было много причин. Как ни плох был Нерон, все же было лучше иметь императором его, чем женщину с ненасытным честолюбием, разнузданными страстями и без всякого стыда. Сверх того, Сенека был искренне предан Нерону. Сенека обладал мягким, привязчивым сердцем и за двенадцать лет неразлучной жизни с Нероном в качестве наставника успел искренне привязаться к своему воспитаннику и, хоть был о нем дурного мнения, любил его.

Тем не менее убийство Агриппины сильно потрясло философа. С этого времени светлый тон покидает его сочинения, и в них все чаще и чаще начинает звучать струна разочарования, которая к концу жизни, как далее будет видно, доходит до резкого пессимизма. Вместе с тем Сенека начал мало-помалу удаляться от двора, тем более что поведение императора не могло вызывать сочувствия, а влияние Сенеки на него ослабевало.

Смерть Бурра, последовавшая в 61 году, возвестила окончательное падение Сенеки. Предполагали, что Бурр умер от отравы,

посланной ему Нероном. В лице Бурра Сенека лишился последнего своего сотоварища и единомышленника при дворе, и ненавидевшая философа партия подняла голос. Наушники стали клеветать Нерону на Сенеку. Философа обвиняли в том, что он накапливал богатства, ища популярности в народе, что он хотел превзойти самого императора великолепием своих вилл и садов. Уверяли, что Сенека имел претензию быть единственным красноречивым оратором своего века, что он стал чаще писать стихи с тех пор, как Нерон предался этому занятию, что Сенека – постоянный враг всяких развлечений цезаря, причем не только отрицает заслуги его в укрощении лошадей, но и смеется над его пением. Сенека хочет уверить, что все хорошие акты царствования принадлежат ему, а, между тем, Нерон уже не ребенок и пора ему освободиться из-под надзора педантичного наставника.

Когда Сенеку предупредили об этой клевете и философ заметил охлаждение к себе со стороны Нерона, он попросил аудиенции у императора и попросил отпустить его на покой.

Нерон возражал Сенеке. Он уверял философа, что тот еще необходим ему, чтобы удерживать от опасных увлечений молодости и помогать своими советами в управлении государством. В заключение аудиенции Нерон обнял и поцеловал Сенеку, скрывая, как замечает Тацит, разгоревшуюся в нем ненависть под вероломной лаской. Сенеке осталось только благодарить властителя, однако он все-таки стал избегать показываться при дворе и даже реже ездил в Рим, ссылаясь на нездоровье или на занятия философией.

После знаменитого римского пожара Сенека пожертвовал пострадавшим значительную часть своего состояния; однако, так как с целью отстроить Рим принялись истощать средства других городов Италии и провинций, причем грабили преимущественно храмы и даже похищали статуи богов, Сенека, чтобы от-

клонить от себя народную злобу за участие в святотатстве, просил у Нерона разрешения уехать в отдаленное поместье. Когда же ему было в этом отказано, он сослался на нервную болезнь и не выходил из дому, не принимая и у себя никого. Это вызвало у Нерона подозрение, и он приказал вольноотпущеннику Клеонику отравить Сенеку. Покушение это не увенчалось успехом, так как Сенека уже давно вел образ жизни, достойный стоического философа, питался только овощами и пил ключевую воду.

Не это ли последнее злодеяние Нерона вызвало полное горечи сто третье письмо к Луцилию: «Каждый день, – пишет своему другу философ, – жди опасности со стороны людей. Укрепись против нее и будь осторожен и внимателен. Никакое бедствие не случается так часто, не поражает так неожиданно, не подкрадывается так незаметно. Прежде чем налетит буря, гремит гром. В строениях, прежде чем они рушатся, слышен треск. Пожар возмущается дымом. Опасность же со стороны людей наступает внезапно, и чем она ближе, тем тщательнее скрыта. Ты горько ошибаешься, если веришь выражению лиц людей, приближающихся к тебе. У них внешность людей, но души звериные. Но и звери страшны лишь в первый момент встречи, а раз он миновал, они не тронут, ибо только нужда заставляет их нападать и только голод или страх вовлекает в битву. Человеку же доставляет наслаждение губить ближнего.

Итак, помни всегда об опасности, угрожающей тебе со стороны людей; но помни также и то, в чем состоят твои обязанности по отношению к людям. Остерегайся их, чтобы они не вредили тебе, но не вреди им сам. Радуйся удаче ближнего, сочувствуй его горю и помни, чего должен ты опасаться и какие чувства должен выказывать сам. Поступая так, ты достигнешь если не того, что тебе не будет вредить, то хотя бы того, что ты не будешь

обманут».

Удалившись от двора, Сенека вел жизнь еще более уединенную, чем прежде. Теперь он почти никого не принимал. Он жил постоянно в своей загородной вилле, иногда посещая более удаленные свои имения, но положительно избегал жить в городах. Его нервы были утомлены и не выдерживали уличного шума. Посетив как-то Байи – модное купальное место римских дам, – он бежал оттуда на другой же день, до того несносен был ему крик торговцев, плеск купающихся и вид увеселительных поездок, с пением плававших по заливу. В своих переездах Сенека, как и в частной жизни, избегал всякой торжественности.

Он ездил в сопровождении немногих рабов в открытом экипаже и во время путешествия читал. Он никогда не предупреждал о своем приезде заранее, и поэтому случалось, что на виллах не были готовы к его встрече: ему приходилось ложиться спать не поужинав и на плохо убранной постели.

Его постоянным обществом были жена, врач и немногие друзья. Зато тем увлеченнее Сенека предавался занятиям философией. Никогда из-под его пера не выходило столько сомнений, как в последние четыре года жизни. Это были и мелкие послания к друзьям, упрекавшим его за уклонение от общественных обязанностей (например, трактат «О покое», посвященный Серену), и более обширные сочинения по нравственным вопросам, и сочинения по естествознанию. Сенека не только много писал в это время; он также много читал и продолжал свое философское образование. В последние же годы своей жизни Сенека познакомился во всей полноте и с учением эпикурейцев. В первых письмах к Луцилию он сообщает о том интересе, какой доставляет ему чтение писателей «враждебного лагеря», восхищается отдельными их мнениями и признает их истинно философскими. Послание к Серену «О неуязвимости мудреца» даже начи-

нается похвальным словом Эпикуру. Вообще, Сенека не отличался сектантской нетерпимостью и охотно признавал хорошие стороны в своих противниках.

Самым крупным произведением Сенеки за это время считаются его «Моральные письма к Луцилию». Письма эти – действительно результат живого обмена мыслями с другом путем переписки, а не только особая литературная форма сочинения. Содержание писем всегда носит отвлеченно-философский характер.

Сенека всей душой ушел в философию. Все остальные дела казались ему скучной обязанностью, излишним бременем в жизни. Он разочаровался в политической деятельности: в конце его придворной жизни ему приходилось поступать часто не только против желания, но и против совести. С этого времени истинное свое назначение он видел в философии.

Во многих письмах к Луцилию Сенека доказывает, что занятия философией должно ставить выше всего, а в одном из них заявляет, что теперь он занят самым важным делом: он занимается делами всего потомства, сохраняя для него идеалы нравственной философии.

Как философ Сенека принадлежит к стоической школе, но мягкость его собственного характера и долгое изучение эпикурейцев смягчили крайности этой школы. И трудно сказать, что больше пленяет в философии Сенеки: возвышенность и даже некоторая суровость его идеалов, или гуманность и теплота при разборе человеческих чувств.

Видя в Сенеке немой протест своему поведению, Нерон не мог не ненавидеть его. То же обстоятельство, что некогда он был многим обязан философу, тем более заставляло желать смерти Сенеки, а так как Нерон не привык дожидаться естественной смерти тех, кого он не желал видеть живыми, то он и воспользовался первым случаем, чтобы погубить

Сенеку. Случай скоро представился, так как придворные льстецы, зная, сколь ненавистен Нерону философ, не замедлили обвинить Сенеку в участии в неудавшемся заговоре Пизона против императора.

Последние дни жизни Сенеки, с момента его обвинения и до смерти, так художественно описаны у Тацита, что можно позволить себе воспроизвести здесь, с необходимыми лишь замечаниями, рассказ историка.

«Наконец наступила очередь умереть и Аннею Сенеке. Смерть его была особенно приятна императору, не по тому, впрочем, чтобы было доказано участие Сенеки в заговоре, но потому, что она давала повод совершить при помощи меча то, что не удалось сделать при помощи яда. Для обвинения Сенеки достаточно было слов Наталиса (доносчика, раскрывшего заговор Пизона), что Пизон посылал его к Сенеке во время болезни, чтобы спросить его, почему Сенека не хотел принять Пизона, и предложить Сенеке поддерживать дружбу с Пизоном более частыми свиданиями. Сенека ответил на это, что частые разговоры и свидания между ними он не находит полезными для обоих, но что вообще он связывает свое спасение с безопасностью Пизона. Один из трибунов стражи, Граний Сильван, был тотчас же послан к Сенеке спросить, происходил ли в действительности между ним и Наталисом такой разговор. Сенека в это время случайно или с умыслом только что приехал из Кампании и остановился в одной из своих загородных вилл, верстах в четырех от Рима. Трибун приехал на виллу к вечеру, велел солдатам окружить ее и, застав Сенеку за ужином вместе с его женой, Помпеей Паулиной, и двумя друзьями, передал ему приказание императора.

Сенека отвечал, что Наталис действительно приходил к нему от имени Пизона спросить, почему он не принимал его, и что он ссылаясь на нездоровье и потребность в по-

кое, но что он, Сенека, не имел никаких причин предпочитать спасение частного человека собственной безопасности, что лесть совсем не в его натуре и что это лучше всего известно самому Нерону, который гораздо чаще имел случай испытать свободомыслие Сенеки, чем его услужливость. Трибун сообщил эти слова Сенеки императору в присутствии Пуппи и Тигеллина, советчиков Нерона в его зверствах. Тот спросил трибуна, готовится ли Сенека к добровольной смерти. Но трибун ответил, что он не мог уловить ни тени страха или печали ни в речах, ни в лице философа. На это последовал приказ вернуться на виллу с приказом умереть.

Сенека, нисколько не смутившись, потребовал таблички для составления завещания. Когда же центурион отказал ему в этом, он обратился к своим друзьям со следующей речью: «Коль мне запрещено отблагодарить вас подарками, завещаю вам единственное, что мне осталось, но вместе и самое драгоценное – мой образ жизни. Если вы будете помнить то, что было хорошего в моей жизни, то ваше постоянство в дружбе будет для вас источником вечной славы». Друзья Сенеки залились слезами; он успокаивал их и призывал к мужеству ласково, но с некоторой суровостью, говоря: «Зачем же были наши уроки мудрости? Где же ваш разум, в течение стольких лет мужественно приучавшийся переносить превратности судьбы? Разве жестокость Нерона еще кому-нибудь неизвестна? И кого же еще оставалось убить императору после того, как он убил свою мать и своего брата, как не прежнего воспитателя и наставника?»

Говоря таким образом, обращаясь ко всем присутствующим, Сенека обнял свою жену и, немного растроганный зрелищем собственного несчастья, стал уговаривать ее утешиться в печали и не считать ее безграничной, но искать себе утешения в созерцании добродетельной жизни своего мужа. Паулина возра-



жала, что и она хочет умереть вместе с мужем, и требовала, чтобы ее пронзили мечом. Сенека не хотел Отнимать у нее этой славы, а также опасался, чтобы жена его, оставшись без поддержки, не подверглась худшим оскорблениям. Поэтому он сказал ей: «Я указывал тебе на утешения, какие может дать жизнь; но ты предпочитаешь умереть. Я не буду противиться. Умрем же вместе с одинаковым мужеством, но ты с большею славою». После этих слов оба вскрыли себе жилы на руках.

Нерон, боясь упреков в излишней жестокости, приказал спасти Паулину. Рабы и вольноотпущенники перевязали ей жилы и остановили кровь. После этого она прожила еще несколько лет, храня уважение к памяти мужа. Между тем Сенека, так как истечение крови у него шло медленно и смерть не наступала, попросил Стация Аннея, своего друга и опытного врача, дать ему яд, приготовленный на всякий случай заранее. Это был тот яд, которым афиняне отравляли осужденных на смерть. Сенека принял, но напрасно, так как тело его уже похолодело, и яд не производил своего действия, Тогда он вошел в горячую ванну и, обрызгав водою окружающих его рабов, сказал, что это – возлияние Юпитеру Освободителю. В ванне он задохнулся от горячих паров. Его тело было вынуто из нее и предано сожжению без всяких торжественных обрядов. Так завещал он незадолго перед смертью. Завещание это было найдено среди его рукописей.

Сенека, умер в апреле 65 года.

В истории и литературе значение Сенеки замечательно в трех качествах – он интересен как государственный деятель, как человек и как писатель.

Государственная деятельность Сенеки стала всецело достоянием истории. Она не была яркой; с его именем не связано никаких социальных или экономических реформ; живя

при дворе тирана, Сенека ограничивался скорее пассивной ролью, сдерживая дурные порывы Нерона; малейшая самостоятельность Сенеки возбудила бы подозрение в императоре и преждевременную отставку, если не смерть. Но государственная деятельность Сенеки была весьма благотворна. Все заслуги начала Неронова царствования должны быть всецело отнесены на счет Сенеки.

Как человек, Сенека отличался цельностью и полнотой. Ему были доступны все человеческие чувства; оттого его сочинения по нравственной философии и производят такое впечатление на читателя.

В своей деятельности Сенека не был фанатиком. Он не посвящал своей жизни определенной идее; но именно мягкость его характера делала его особенно обаятельным для современников, гармонически дополняя несколько суровое величие его стоической проповеди и вполне согласной с нею жизни, а главное – смерти. В римской истории Сенека всегда будет ярким, светлым лучом на темном фоне разврата и продажности эпохи императоров.

Еще важнее для нас значение Сенеки-писателя. Прежде всего поражают необыкновенная его плодовитость и разносторонность. Кроме философских трактатов, Сенека писал естественноисторические исследования, сочинения по виноградарству, по географии (описание Индии и Египта) и, наконец, стихи. Эрудиция Сенеки поразительна. Форма его философских сочинений по ясности изложения составляет приятный контраст с мелочной придирчивостью и игрою слов греческих писателей и туманным изложением немецких философов. Немало также подкупает его искренний тон.

Идеи Сенеки всегда высоко гуманны и отличаются глубиной и знанием человеческого сердца.

Сенеку много переводили, преимущественно

но в духовных журналах, причем весьма часто ему давался эпитет «христианствующий». Были переведены приписываемые Сенеке «Нравственные лекарства», некоторые диалоги Сенеки (между прочим, «О провидении», «О блаженной жизни») и письма к Луцилию. Переведена также на русский язык «Сатира на смерть императора Клавдия» («Апоколокинтозис»).